

Константин Мережковский

Рай земной

RUGRAM

Москва

2024

Издатель Иванов В.Ю.

УДК 821.161.1
ББК 84(2=411.2)6
М52

Мережковский, К.

М52 Рай земной / К. Мережковский. — М. : Т8 Издательские технологии / RUGRAM, 2024. — 248 с. — (Мир русской фантастики).

ISBN 978-5-517-11428-0

Константин Мережковский сумел в своем романе, написанном в 1903 году, предсказать невообразимые ужасы и страдания, которые совсем скоро придут в Европу.

В центре сказки (как определил жанр произведения сам Константин Мережковский) автор поместил повествователя, человека конца XIX века, попадающего на тропический остров рядом с Таити в результате кораблекрушения. После того, как рассказчик пришел в себя, он обнаружил вокруг себя юношей и девушек, одежаниями которых служили только набедренные повязки.

BIC FC
BISAC FIC000000

© Подготовка текста, оформление,
Издатель Иванов В.Ю., 2024
© Оформление Т8,
издательские технологии, 2024
© RUGRAM, 2024
© РИПОЛ классик, оформление, 2024
© Т8 Издательские технологии, 2024

ISBN 978-5-517-11428-0

Рай земной

Рай земной

или

Сонъ въ зимнюю ночь

СКАЗКА-УТОПІЯ

XXVII ВѢКА

МЕРЕЖКОВСКАГО.

Берлинъ 1903.

Издание Ф. ГОТТЕЙНЕРА, Улицы де-ла-Линденъ 47.

ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА

Автор, печатая свое сочинение, рассчитывает обыкновенно на успех его среди своих читателей в смысле более или менее значительного влияния, которое оно окажет на умы своих современников, надеется иногда на прямую пользу, которую оно им принесет.

Я в этом отношении составляю исключение. Я думаю, что сочинение мое для моих современников не может иметь никакого значения, что мысли, в нем выраженные, не будут разделены ни одним из читателей, а если и будут, то это не приведет и не может привести ни к каким практическим результатам. Мысли эти — преждевременны и в данную эпоху совершенно неприменимы.

Но не то в отдаленном будущем. Я думаю, что если человечество будет продолжать идти по тому же пути, по которому оно идет, то скоро, скорее, может быть, чем я предположил в своей сказке, оно дойдет до абсурда, то есть доведет усложнение и трудность жизни до такой степени, что люди, наконец, придут в состояние полного отчаяния.[1] Тогда-то они, быть может, вспомнят мою сказку-утопию, прочтут ее и, возможно, найдут в ней некоторые указания, как выйти из этого состояния отчаяния. Тогда-то, но не раньше, книга эта может принести свой плод, может оказаться действительно полезной, и для этой — то более или менее отдаленной эпохи я ее и предназначаю; теперь же — это не более как курьез.

Я не рассчитываю даже на внешний успех этой книги, во— первых, потому что идеи, в ней высказанные, покажутся теперешним людям слишком странными и необычными, да и не в моде теперь проповедовать подобные идеи, а во-вторых, потому что они выражены, к сожалению, недостаточно талантливо, без той силы, яркости и красоты, с какими я желал бы их видеть выраженными. Это не совсем удачно выкристаллизовавшийся кристалл, хотя, как мне кажется, из хорошего, ценного материала. И эта ценность материала заставляет меня думать, что если бы какой-нибудь писатель с большим талантом взялся изобразить то же самое, что изображено мною, то сочинение, подобное этому, имело бы значительный внешний успех даже и в настоящее время.

Сознавая, таким образом, многие недостатки этого сочинения, я однако позволю себе указать и на одно его достоинство — это глубокая искренность и непосредственность всего, что в нем высказано; мысли, здесь приведенные, все глубоко продуманы и прочувствованы мною, они не вычитаны из книг и не вымучены, а вылились сами собою из сокровенных тайников моего сердца и ума. Я вообще мало читал по вопросам, затронутым здесь; прежде — по недостатку времени, позднее — намеренно, чтобы не засорять мозги, и это, как мне кажется, оказалось в данном случае более полезным, чем вредным, придав моему сочинению печать оригинальности и самобытности. Конечно, это не исключает случаев совпадения некоторых моих мыслей с ранее высказанными другими; ведь иные мысли, так сказать, носятся в воздухе, подобно микробам, и от них, как и от последних, не уйдешь.

И на одно такое совпадение, странное и удивительное, я позволю себе обратить особенное внимание читателя.

По причинам личного свойства я не читал романа Достоевского «Братья Карамазовы» и вовсе не был с ним знаком, когда писал настоящее свое сочинение; но, уже вполне закончив эту работу, даже переписав ее начисто, я совершенно случайно прочел в одном журнале критическую статью, разбиравшую этот роман. В этом разборе приведена была одна выписка из романа, поразившая меня до глубины души своим замечательным совпадением с моей сказкой. Если отбросить некоторые религиозные мысли, в ней заключающиеся, то окажется, что на пространстве одной-двух страниц Достоевский выразил почти все главнейшие, основные положения моей утопии и иногда почти теми же самыми фразами, теми же словами.[2]

Я мало склонен к мистицизму, по природе я более всего скептик, но, признаюсь, когда я прочел это место, то меня охватил какой-то мистический ужас; мне показалось это чем-то сверхъестественным, мне представилось, что дух Достоевского, войдя в меня, заставил меня развить его мысли в только что написанной сказке. И это как будто подтверждалось самим процессом, каким она у меня появилась: подобно какой-то лавине, подобно неудержимому потоку вылились высказанные в ней мысли, предстали передо мною изображенные в ней картины с необыкновенной яркостью и рельефностью, и все эти мысли, все эти картины, вылившиеся из каких-то неведомых внутренних тайников моего ума и воображения, выступили в моем сознании с поразительной быстротой, в течение каких-нибудь двух-трех часов, совершенно помимо моей воли, полусознатель-

но, цепляясь друг за друга, вызывая одна другую. И вдруг, о ужас! — такое совпадение. Впечатление было так сильно, ужас так велик, что я даже разрыдался. И только вспомнив еще более странное совпадение еще более сложных мыслей, одновременно появившихся в уме Дарвина и Уэллса, я успокоился: как там, так и тут это могло быть делом простого случая и не требовало вмешательства таинственных мистических сил. Но, как и там, совпадение это кажется мне многознаменательным: значит, тут близка истина. И истина эта заключается в том, что человечество само неспособно управлять своими делами на земле; устройство его дел земных, устройство его земного благополучия должно быть передано в руки отдельных лиц. Нижеприводимая схема пояснит мою мысль.

Возможны три системы организации человечества:

1. Когда каждый зависит от самого себя — это индивидуализм;
2. Когда каждый зависит от всех — это социализм;
3. Когда все зависят от немногих — это патернализм.

Но индивидуализм оказался полной неудачей: когда каждый заботится только о самом себе, то в результате получается, что всем худо. И такой же неудачей окажется, без сомнения, социализм, ибо все не могут стать хорошими (разве только через 10, или 20, или 50 тысяч лет), если же каждый будет зависеть от нехороших, то всем будет плохо. И человечество, если только не желает, чтобы оно продолжало страдать в течение еще десятков тысяч лет (может быть и вечно,) должно быть приведено к системе патернализма. Немногие могут быть хорошими даже и теперь, а если все будет зависеть от немногих хороших, то ка-